

3. Журавский А. В. Представления о человеке в Коране и Новом Завете // Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/predstavleniya-o-cheloveke-v-korane-i-v-novom-zavete> (дата обращения: 12.03.2017).

4. Калинин Дм. Черный юмор, черный юмор, что ж ты выешься надо мной // Оракул: [сайт]. URL: <http://www.oracle-today.ru/articles/22232/> (дата обращения: 24.03.2017).

5. Кебуладзе В. Феноменология черного юмора // Докса. Логос і праксис сміху. 2004. Вип. 5. С. 71–79. URL: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_5.htm (дата обращения: 24.03.2017).

6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 1.

7. Шмелева Н. Л. Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности // Альманах современной науки и образования. 2009. №8 (27). С. 210–212.

8. Gestia. В безвыходном положении... // Оракул: [сайт]. URL: <http://www.oracle-today.ru/articles/22232/> (дата обращения: 12.04.2016).

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М., 1863. Ч. 1.

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Анна Андреевна Цветкова – канд. филол. наук, препод., Калининградский государственный технический университет.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru

About the authors

Prof. Gennady Berestnev, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Dr Anna Tsvetkova, associate professor, Kaliningrad State Technical University.

E-mail: anja.tsvetkova@inbox.ru

УДК 811.161.1:821.161.1

М. А. Дмитриовская

НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ: ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ А. СКИДАНА

Александрю Скидану – в дар от автора

Рассматривается ряд стихотворений А. Скидана, входящих в сборник «Делириум» (1993). Доказывается тождество семантики дарения / получения дара и разделения, разъятия, что позволяет отнести концепт дарения к ядру понятийной системы поэта. Выделяется семантический инвариант и анализируются способы его инвариантного развертывания. Анализируется связь отмеченных концептов с категориями пространства и движения, жизни и смерти. Семантическая реконструкция осуществляется с привлечением игрового мультиязыкового анаграмматического кода, который используется Скиданом для развертывания текста из базисных семантических структур.

The author analyzes a series of verses by A. Skidan of a "Delirium" collection (1993) and establishes the equality of semantics between giving/gift and parting, breaking apart, which allows to bring the concept of "giving/gift" to the core of the poet's concept structure. The article defines a semantic invariant and studies the ways of its invariant development, analyzes connection between the relevant concepts and categories of space and movement, life and death. The semantic reconstruction is performed through play Multilanguage anagram code, which is used by Skidan to develop the text of basic semantic structures.

Ключевые слова: Александр Скидан, философско-художественная система, концепт «дар», мультиязыковой код, анаграмма, языковая игра, интертекст, смысловой инвариант и варианты.

Key words: Alexander Skidan, philosophical and artistic system, "giving/gift" concept, multilanguage code, anagram, intertext, semantic invariant, variants.

В предыдущей статье [3] на основе анализа стихотворения «Амадеус» и других нами была произведена реконструкция философско-художественной системы Александра Скидана и выявлен семантический инвариант его произведений. И глубинная семантика, и явный уровень текста используют возможности, заложенные в языке: центральные константы формируются и получают текстовое воплощение с использованием мультиязыкового анаграмматического кода, который обеспечивает поливариантность способов экспликации глубинных смыслов.

Центральным в системе Скидана является представление о разделении «я», начиная с раздвоения, растроения и далее, благодаря чему порождается множественность субъектов и объектов — весь мир. Действует принцип *pars pro toto* — часть равна целому и наоборот. В результате «я» и другие сущности теряют свою идентичность: они в «мерцающем» режиме обнаруживает тождество друг с другом. От самости к ее зыбкости и превращению в Никто или Ничто — вот крайние точки бытования сущего. Оппозиции теряют жесткую структуру: значения сменяются, просвечивают друг через друга, двигаются по кругу, расходятся и снова сходятся.

В настоящей статье на основе анализа ряда стихотворений, входящих в сборник «Делириум» (1993) [5], будет доказано тождество семантики дарения / получения дара и разделения / рассечения / разъятия, что позволит отнести концепт дарения к ядру понятийной системы. Будет выделен семантический инвариант и показано его развертывание в разных стихотворениях. Одновременно будет рассмотрена связь отмеченных концептов с категориями пространства и движения, жизни и смерти.

Стихотворение «Рассеченный девизом» (1989—1990)¹ состоит из шести частей, разделенных пунктиром. Вот I часть (нумерация вносится нами):

¹ Датировка произведений, кроме случаев, указанных в печатных изданиях, была сообщена лично А. Скиданом.

В сад ли войти — в продолжающий грезиться слепок
райского сада, его расходящихся тропок?
Скриптор должен скрипеть: посягать
нежным скипетром-флагом,
перегонять влагу имен в эпиталаму.
В ночь ли войти — как в склеп с фамильярным девизом:
«язык мой — кляп мой и скальпель»?
Мерцающая завеса.
Сад-гербарий, скрипторий, силлабо-тоник...
Будет тебе тактовик и дольник, пока я — данник.

В начале стихотворения налицо тенденция к неопределенно-личности. Первая строка — инфинитивное предложение, которое варьируется в начале шестой строки: «В сад ли войти...» / «В ночь ли войти...» В седьмой строке появляются два притяжательных местоимения 1-го лица *мой*, референция которых неясна. Далее идут номинативные предложения. Таким образом, субъект действия исключается или присутствует в размытом виде. Только в последней строке появляются личные местоимения, вписанные в контекст уплаты дани (в широком смысле — дарения, дара): «Будет тебе тактовик и дольник, пока я — данник»². При этом местоимение 2-го л. ед. ч. *тебе* (*ты*) стоит на первом месте и употреблено в главном предложении, а местоимение 1-го л. ед. ч. *я* — на втором, в придаточном времени. Такое их ранжирование в купе с семантикой дара требует объяснения.

В исходном значении *данник* — «термин, употребляющийся в древнерусской юридической номенклатуре для обозначения лица, платящего дань, как военную контрибуцию...» [11]. Глаголы *дать* / *давать* содержат синтаксические позиции агента (субъекта), объекта и адресата. То, что адресат должен быть выше по рангу, иконически отражено в последовательности местоимений. Однако фамильярная окраска конструкции «Будет тебе...» показывает, что *ты* зависит от *я*. Главное и придаточное предложения относятся к разным грамматическим временам — настоящему и будущему. Если я данник сейчас, я плачу дань чем-то, о чем не говорится, а тактовик и дольник отнесены в будущее. Но неизвестное точно присутствует (англ. *to be present*) в настоящем времени (*present*), и оно есть подарок — *present*.

Далее мы рассмотрим прототипическую ситуацию дарения (передачи дара), описываемую глаголами *дать* / *давать* и *взять* / *брать*, постоянно помня о мерцающей иллюзорности процесса дарения в стихотворении, усиленной общей метафоричностью контекста и тем, что *ты* имеет референцию к саду-скрипторию-книге (с отсылкой к Х.Л. Борхесу). Слова *тактовик* и *дольник* не могут быть прямо употреблены в контексте прототипических глаголов. Данник должен *написать* тактовиком и дольником, а адресат — *прочитать* это.

Форма *я даю* участвует в порождении множества и, следовательно, в рассечении *я*. *Я даю* = *я да ю* = *я да you* (англ. 'ты') = *я да ты*. Ты порож-

² Здесь и далее курсив в цитатах везде наш. — М.Д.

дается из *я* в акте дарения. В этом случае *я* первично, а *ты* — его порождение. Третий элемент множества появляется в результате ряда игровых трансформаций. Так, союз *да = и = др.-рус. и 'тог'*, откуда *он*. Другая цепочка: союз *да = и = укр. та = др.-рус. ѡ 'та' = [я] = она*. Наличие мужского и женского начала в рассекаемом диктуется также омофонией выражений *рассечь пополам / по полам* и игровой интерпретацией выражения *моя половина*. С умножением членов происходит утрата *я* своей определенности. Рост множества обеспечивается также тем, что др.-греч. δῶρον 'дар' — анаграмма слова *народ*. Само рассечение субъекта на субъект и адресат является объектом, даром: англ. *gap* 'брешь, разрыв, пробел' и рус. *дар* совпадают в рукописной форме. В даре всегда будет мерцающая пустота. *Тактовик* и *дольник* содержат представление о разятии: они связаны союзом *и*, кроме того, *тактовик* отсылает к такту, счету, а слово *дольник* — к делению. *Я*, таким образом, являясь субъектом, объектом и адресатом, оказывается триединым, с «мерцающими» лицами *я*, *ты* и другими. Сказанное затрагивает самого автора. *Данник*, транслитерированное как *dannick*, — анаграмма фамилии *Скидан* и лат. *scindo* 'разрывать, раскалывать'.

Данник задает односторонность передачи от *я* к *ты*. Однако возможны и другие соотношения между ними. Слово *данник* — анаграмма нем. *danken* 'благодарить', буквально — 'дарить благо': здесь происходит переход от односторонности дани к двусторонности дарения³. Благо-дарности предшествует принятый дар. Тогда дарению от *я* всегда предшествует дарение от *ты* и наоборот: *первый = второй*. Эта картина совпадает с реконструируемой М. Моссом практикой обмена в архаических сообществах (поглач) [4]⁴. Нем. *du dankst* 'ты благодаришь' — анаграмма фамилии *Скидан* со значимым сдвигом автора в сторону 2-го лица.

Связь деления и дарения зафиксирована в языках. Так, глаголы *делиться / поделиться* могут относиться и к раздаче. Аналогична семантика лат. *diviso* и др.-греч. νέμω 'разделять, раздавать'. Оборот *делиться с кем-л.* задает игровое разделение на части дающего и адресата дарения, в нашем случае — *я* и *ты*.

Дарение предполагает, что адресат принимает дар. Эта связь столь велика, что Э. Бенвенист, основываясь на значении хет. *da-* 'брать', противоположном по отношению к 'давать', говорит о синкретизме значения индоевропейского **do-*, которое по-разному конкретизировалось в языках [1, с. 69–70]. У *Скидана* тождественность дающего и берущего

³ Роль игрового маркера нем. *danken* у *Скидана* играет фамилия *Данкен* (Dunkan) ср.: «здесь *Данкен* лег костями и съеден весь / за ренессанс...» («Пирсинг нижней губы», «С», 2 (1995) [6]). Другой вариант транслитерации этой фамилии — *Дункан* — подразумевается при упоминании *Айседоры*: «с айседорой долорес йоко аннабель...» («Скорлупу гитары проклонь, терпандр...» (1992) [5]). Имя *Айседора* означает 'дар Изиды'. Семантика дара прямо дана в исконном имени *Айседоры Дункан* — *Дора*.

⁴ Прямые отсылки к М. Моссу содержатся в работе *Скидана* «Из путеводителя по "Моцарту и Сальери"» (1998) в словарных статьях *GIFT/GIFT, ДАР ИЗОРЫ* и *МОСС* [7].

соответствует многозначности др.-рус. **даньникъ**, соединяющего конверсивные значения 'платящий дань' и 'сборщик дани' [8, т. 1, стлб. 629].

Являясь видовой парой конверсивов к глаголам *давать* / *дать*, супплетивные глаголы *брать* / *взять* приращивают семантику за счет различных игровых возможностей. Баланс уплаты дани и ее получения восстанавливается также через реконструируемый оборот *завзятый данник (см.: [2, с. 172–173]). Слово *тактовик* при игровой интерпретации выражает идею возвратности, *обратного* дарения после того, как *ты* взял дар. *Тактовик* → *так-то-виг → *tak(e)-to-(e)vig* → *take-to-give* 'брать, чтобы дать'.

Конверсивы *давать* (*я даю*) и *взять* демонстрируют сходные возможности в разделении *я* надвое и порождении *ты*. В инфинитиве *взять* корень *-я-* омонимичен местоимению 1-го лица *я*. *Вз-я-ты-й* и *завз-я-ты-й* порождают местоимения 1-го и 2-го лица *я* и *ты*. Данник (*я*) в качестве дани передает разорванное *я* (*дар* – *гар*), порождая *ты*. В процессе обратного дарения *ты* становится *я* и снова запускается процесс порождения адресата и дара, скрытый в форме *я да-ю*.

Чередование в корне *-я-* / *-им-* в словах *взять* / *взимать* (ср.: др.-рус. **ѡти, ѡмѡ**) и игровое сближение корня *-им-* и нем. *ihm* [i:m] – датива от местоимения 3-го л. ед. ч. м. р. и ср. р. *er* 'он' и *es* 'оно' – помогает перейти от местоимения 1-го л. ед. ч. *я* (= 2-е л. ед. ч. *ты*) к тождественным им местоимениям 3-го л. ед. ч. *он* и *оно*. Чередование *-я-/им-* дает возможность от единичности *я* (= *ты, он, оно*) перейти к множественности, обозначаемой местоимением 3-го л. мн. ч.: рус. *им* – дат. пад. от *они*. Из объединения *я* с другими лицами рождается *мы*, из соединения *ты* с другими лицами (кроме *я*) возникает *вы*. Переинтерпретация корня *-я-* и союза *и* («тактовик и дольник») с обращением к др.-рус. и укр. языкам позволяет перейти к *он* и *она*. В силу тождественности всех трех лиц скрытую категорию рода приобретают и местоимения *я* и *ты*. Рост множества обеспечивается анаграмматичностью формы *дара* – *орда*, что корреспондирует с историческим значением слова *данник*. Анаграмма др.-греч. **δῶρον** 'дар' – **ρονдо** связывает дарение с круговым движением.

Глагол *брать* паронимичен слову *брат*. Данник тоже *брат* – он тоже *берет* то, что дает ему *берущий брат*. Устанавливается ситуация движения и возврата. Она фиксируется паронимией *о, брат, на!* и *обратно*. «Братская» семантика получает развитие при учете исп., порт. *tomar* 'брать, взять'. Формы 1-го и 3-го л. ед. ч. наст. вр. *tomo* и *toma* паронимичны имени *Том* (род. пад. *То́ма*) = *Фома* – араб. 'близнец'. Берущий и дающий становятся неотличимыми, а левая и правая часть строки – зеркально симметричными. Одновременно (*о*) *том* – предл. пад. указательных местоимений муж. и сред. р. *тот* и *то*, которые дополняют местоимение *та*. И наконец, взятия и братия имеют прямое отношение к рассечению: слово *том* 'книга большой величины' восходит к др.-греч. **τόμος** 'часть, отрезок, том' **οττέμνω** 'режу' [10, т. 4, с. 75].

Взятие и деление тоже являются семантически связанными. Не сохранившееся в современном языке др.-рус. **ѡти**, **имѡ** 'братъ' присутствует в приставочных глаголах, среди которых помимо *взять* особо важен *разъять*, ср.: *разъять / не разъять* vs. *раз ять / не раз ять*. Действие по глаголу *разъять* происходит в результате одного взятия (*разъять*, то есть **ѡти**), а *не разъять* тождественно *не раз ять*, то есть взятие происходит не один раз, и каждый раз оно сопровождается *разъятием*⁵. В сборнике «Делириум» в трех случаях эта семантика разрабатывается с привлечением буквы *ять* (форма мн. ч. *яти* омонимична др.-рус. **ѡти**). В стихотворении «Обмелело все, что мелеть могло...» (1991) семантика «дать-братъ» представлена в строке «*собирая подать с петровых Катъ*», а расточение (растечение) взятого — в строках «...все, что могло лянть, / истекало околоплодным *ять*». В этом и другом примере — *купированных ять* («Посещение», I (1992)) — колебание между единичностью / множественностью (и, соответственно, между *раз ѡ* / *не раз ѡ* и *разъять / не разъять*) запускается формой ед. ч. *ять* вместо мн. ч. *ятями / ятей* (при этом *ять* воспринимается как несклоняемое). К делению на *части* причастна причастная форма глагола *купировать* — от фр. *couper* '(раз)резать'.

Противоположным бытованию является отсутствие, несуществование. Здесь важна видовая пара *разнимать* (с протетическим *н*). Деепричастие *раз-нима-я* и форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. *раз-нима-ю* с учетом укр. *нема* 'нету' обеспечивают исчезновение *я* и *ты* (англ. *you*). Для выражения идеи отсутствия может быть использовано местоимение *никто*. В IV части стихотворения «Рассеченный девизом» есть диалог, в котором *ты* = *никто* = *я* относится к одной персоне:

Милая, кто *ты*?
Никто — отвечает, — я есмь.

Утверждается существование *я*, а семантика отсутствия у *никто* сглажена его предикативным употреблением. Однако кажущееся присутствие *никто* устраняется цепочкой *никто* → лат. *немо* 'никто' → укр. *нема* 'нету', а продолжение цепочки: → др.-греч. $\nu\epsilon\mu\omega$ 'разделять, раздавать' → русск. *нема* — во-первых, утверждает деление даже при отсутствии того, что делится, и это будет делением нуля, дающем нули (и одновременно *о-пре-делением*), во-вторых, отождествляет рассечение и молчание:

<...> Кто *немотствует* здесь? *Потлач*,
 Он сказал. Это когда *некому*, но его
 поправили — *никому*.

«Делириум» / Фрагменты. 1993

⁵ Первое слово *разъятых (игр)* в стихотворении «Амадеус», представленное как *раз-я-ты-х*, послужило основой для реконструкции системы А. Скидана в нашей статье [3, с. 235 и след.].

Кажется, что отсутствие делает невозможным дарение и получение дара: *ни дать ни взять*. Но идиоматика работает в обратную сторону — на *сравнение* существа — на то, чтобы ‘делать равным’: *Я — ни дать ни взять ты*. На устранение парадоксов единичности и множественности, настоящего и будущего времени, 1-го и 2-го лица, дачи и взятия, а также того, что дарение тактовика и дольника в принципе невозможны, как невозможно и взятие его, работает реконструируемый *motto* (итал. ‘девиз, лозунг, призыв’) *Даешь тактовик и дольник!* Слово *призыв* — анаграмма *вы приз*, где слово *приз* в значении ‘военная морская добыча’ из фр., от страдательного причастия *prise* от глагола *prendre* ‘брать’, восходящего к лат. *prehendo* (*prendo*) ‘хватать’. Важны также конструкции *Возьму и напишу* (тактовиком и дольником) / *Возьмешь и прочитаешь*.

Помимо разделения взятие одновременно активизирует процесс соединения воедино: *брать* → *собрать* / *собирать* / *сбор*. Др.-греч. Λέγω и лат. *lego* ‘собирать’ выявляют характер этого единого — это могущее воплотиться *я — ego* *ль* — как единство тождественных (фр. *égal*, нем. *egal*) его частей. Многозначность *lego* включает также значения ‘читать, читать вслух’, ‘произносить, декламировать’, ‘видеть’, ‘слышать’, а Λέγω — ‘читать’, ‘говорить; рассказывать’, значимые в стихотворении «Рассеченный девизом» и работающие на его связность.

В строке с данником первая, левая часть высказывания (*ты*) и вторая, правая часть (*я*) могут уравниваться не только по признаку ‘первого’, но и ‘второго’. Цепочка *брать* → *брат* → *обратно* дает слово *оборот* — из *обворот, где корень *ворот* — анаграмма словам *второй* и *автор*. Снова возникает характерный для Скидана парадокс *автора* как *второго*. *Обратное* движение является *возвратным* и осуществляется как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости: ключевым является здесь англ. *seesaw* ‘двигаться вперед и назад / вверх и вниз’ от *saw* ‘пила’. Семантика разделения на части соединена с семантикой движения. Вот начало стихотворения «У окна» (1986):

Круг мраморной луны — распил полночный —
В объятьях быстротечных облаков...

Идея разделения связана со словами *распил* (прямое значение поддерживается далее словами *дереьев* и *деревянное*) и *пол-ночный*. Форма *в объятьях* привносит значение взятия и одновременно деления на разные лица: в объятьях — два *я*, а однокоренное слово *объ-я-ты-е* содержит *я* и *ты*. Есть единичность распила и множественность объятий и облаков. В сочетании *быстротечных* (*облаков*) корень *-теч-* одновременно актуализирует представление о верхнем и нижнем пространственном полюсе, о движении по горизонтали и одновременно вниз по вертикали, в прямом значении — о воде. На это работает и скрытое фразеологическое сочетание *дать течь*, одновременно актуализирующее семантику дарения. Слово *вода* анаграмматична основе глагола *дава-ть*, а англ. *water* ‘вода’ — анаграмма *ворот-*, *второй*, *автор*. Семантика движения по кругу поддерживается круговым движением Луны вокруг Земли.

Приведем еще одно стихотворение без авторского названия:

...промытой привкус земляники,
твой профиль зимний, а на стыке
все запахи полночных бдений
вдвоем, на даче.
Прошлым летом
мы были продолженьем света,
а этим — льемся, как вода,
в мир изначальный.
В никуда

1986

34

Способы репрезентации эротической семантики в языке связаны в том числе с рассматриваемыми константами, ср. *дать / давать/ отдавать* и *взять* с распределением женских и мужских ролей. В стихотворении падение (включая грехопадение) связано с дарением: *па́дать* — *пода́ть* (также *подать*, пересекающаяся по смыслу с *данью*). Одновременно обыгрываются грамматические категории: все, что *склоняется*, имеет *падеж* (*паде́ж*). Слово *падеж*, если набрать его на компьютере при включенном англ. регистре, будет выглядеть как *gflt*, что, учитывая сходство I и l, даст *gfit* — анаграмму слова *gift* (англ. 'дар'). Связь дарения и падения присутствует в сходстве фр. *cadeau* 'подарок' и лат. *cado* 'падать', а разделение — в сходстве корня *пад-* [пат] с англ. *part* 'часть' (*водо-part*). Прямая связь падения и дарения присутствует в стихотворении «Фрагменты Орфея», 2 (1993): «как *подданный он падал*», «*в падучей бьющийся Орфей!*» Одновременно *падение* «в никуда» как *рас-пад / раз пад-* связано с разделением и умножением сущностей:

такое амплуа, такая бездна, такой продукт
распада

Искушение св. Маркузе. 1989–1990

А не раз пад- / не распад сохраняет единство падающего. Падение связано также со смертью, ср. паронимию фр. *tomber* 'падать', *tombeau* 'гробница, могила, склеп' и близкого по значению англ. *tomb*.

Дача тоже связана с семантикой дарения. В прямом значении *дача* означает действие по глаголу *давать*, а в переносном — 'объект дачи'. Сначала слово означало «дарованную князем землю» [10, т. 1, с. 486], со второй половины XVIII в. — «подгородную барскую усадьбу» [2, с. 885]. Современное значение развивается с середины XIX в.

У Скидана отождествляются не только действие и предмет, но и лица, участвующие в *даче* (*resp.* в жизни на *даче*). При большой вероятности реальной дачи субъекты дачной жизни, явленные как *Александр-и-я*, одновременно идентифицируют дачу как дворцово-парковый ансамбль *Александрия* в пригороде Петергофа, подаренный Николаем I своей жене императрице *Александре* Федоровне. Это Собственная Ее Императорского Величества *дача Александрия*. Но на самом деле *дача* находится там, где располагается субъект, осуществляющий дачу, — везде

и нигде. Связь между двумя стихотворениями «...промытой привкус земляники...» и «Рассеченный девизом» поддерживается анаграммой *дача* — англ. *orchard* ['ɔ:tʃəd] 'фруктовый сад'.

Семантика *данника* преломляется в стихотворении «Или/Или» (1991–1992), где опорными являются слова *донор* (от фр. *donneur* 'дающий, донор' при *donner* 'давать', восходящих к лат. *dono, donare* 'дарить, преподносить') и *на дармовицинку*:

<...> возлег на пиршественный стол
божественного *донор* духа
<...>
да *донор* я и я песчинка
а он ума палата номер шесть
он будет есть меня *на дармовицинку*
как *донора* рот в рот дышать

35

В стихотворении «Амадеус» (1992) отмеченное Скиданом в работе «Из путеводителя по “Моцарту и Сальери”» тождество дара-яда (англ. *gift* / нем. *Gift* [7]) в явном виде присутствует в конце стихотворения:

се *дар* изоры — запрокинься, пей!
лицо *моцарта* испитое
навзничь
и в ночь идет и плачет уходя
«и не кончается»

Финальная строчка представляет собой иконически усеченные последние слова «...и не кончается строка» романа В. Набокова со значимым названием «Дар» [3, с. 255]. Стихотворение замыкается в кольцо, и одновременно вводится тема победы над смертью (ср. *кончатся* 'умирать'). Тема дара-яда скрыто присутствует в начале стихотворения, где строка «как бы резвяся и стеная» отсылает к началу стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза»:

...первый *гром*,
как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом [9, т. 1, с. 12].

Нем. *Donner* 'гром' — пароним рус. *донор*, фр. *donneur, donner*, лат. *donare*. Про гром говорится и в каждой последующей строфе: во II — «Гремят раскаты молодые», в III — «Все вторит весело *громам*». В последней *гром* входит в номинацию *громокипящий кубок*:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Имя богини юности *Гебы* (др.-греч. Ἥβη) — омоним нем. (*ich*) *gebe* 'я даю'. Это отождествляет *Гебу*, *Зевса* (как *Громовержца*) и гром-*Donner*. Метафора кипящего громами кубка подразумевает пенящееся вино и соединяет важные для Скидана представления о *даре* и *вине-яде*, которое Моцарт *отрокидывает* либо в себя, либо на стол, *проливая* его. При этом он или остается живым, или умирает. На роль *Гебы* — виночерпия и донатора-донора — претендуют и *Сальери*, и *Моцарт*. В первом случае *Сальери* — *как пить дать*⁶ — *пьет кровь* из *Моцарта*, во втором — *Моцарт* пьет вино-кровь, делая себе *крово(в)пускание*. Таковы особенности трансформации мотивов *Тайной вечери* и причастия в стихотворении «*Амадеус*». На мерцающую семантику не/раз/деления работают этимология слова *причастие* (от *часть*) и омонимия / омофония *пил*, *распил*, *раз пил*, *не распил*, *не раз пил*, связанных с *пилить* и *пить*. Связь яда, дара и смерти задается также анаграмматичностью слов *яд*, *дай*, *Аид* и омонимией рус. *дай* и англ. *die* [daɪ] 'умирать'. *Дар* объединяет *Моцарта*, *Асмодея* и не показанного прямо *Сальери*, сводя их к единичности. *Сальери бездарен* — *бес дарен*, а вместе с *Асмодеем* они *бес, дари!* — *бездари*: их двое и одновременно один — *бес*. Анаграмматичность имен *Моцарта Амадеус* и *Асмодея* тоже сводит их воедино. *Моцарт щедро делится своим даром*. Все они не без дара. Дара небес. Не бес.

Стихотворение «*Посещение*», I заканчивается так:

<...> купированных ять
и тех не будет и не надо
сыграем в ящик пандоры опять

Семантическая структура фрагмента повторяет уже известную нам. Сначала говорится о взятии и рассечении — через *купированные ять*, затем они отрицаются в будущем, но, возможно, присутствуют в настоящем. Соединяются две идиомы — *сыграть в ящик* и *ящик Пандоры*. Вносится семантика круговорота смерти и возрождений — в том числе под знаком взятия и рассечения: *опять* рифмуется с *ять*. Концепты взятия и дарения актуализируются в связи с *Пандорой*, чье имя — от др.-греч. πᾶν 'все' and δῶρον 'дар'. Она — получившая все от богов, но и все дающая — в том числе *счастье (часть)*, не только несчастья. Круговое движение преодолевается прямолинейным: слово *подарок* разбивается на *под-арок*, ср. лат. *arcus* 'арка', дуга' и 'арса' 'ящик', 'гроб'. Предлог *под* сливается с корнем *-пад-*. *Ящик Пандоры*, который вот — *рукой подать / падать* — становится бездонным. И «в доску поминай / как звали» (Кенотаф, I. 1990).

Как и *Моцарт*, *А. Скидан даром делится с нами даром*. Но он не должен заниматься формализацией своей системы — с него и *взятки гладки*. Система растворена в написанном, она показывает себя через язык. Описать ее — *задача* исследователя. Тут уж *ничего не напишешь*.

Февраль — май 2017

⁶ Ср. в стихотворении «*Со-Дом*», 1 (1993): «...и тризны гололед как *пить* неутоллим», где на «оживление» стершегося значения глагола *пить* во фразеологизме как *пить дать* работает усечение фразеологизма и общий контекст возлияний на тризне.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
2. Виноградов В. В. История слов. М., 1994.
3. Дмитриовская М. А. Икс, Игрок, Death («Амадеус» et al.: основания философско-художественной системы А. Скидана) // Критика и семиотика. 2016. №1. С. 231 – 258.
4. Мосс М. Очерк о даре: формы и причины обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 85 – 111.
5. Скидан А. Делириум. СПб., 1993. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan1.html> (дата обращения: 20.03.2017).
6. Скидан А. В повторном чтении. М., 1998. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan3-1.html> (дата обращения: 20.03.2017).
7. Скидан А. Сопrotивление поэзии. СПб., 2001. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan7.html> (дата обращения: 20.03.2017).
8. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. М., 2003.
9. Тютчев Ф. И. Лирика : в 2 т. М., 1965.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986.
11. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890 – 1907. URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Dannik-98019.html> (дата обращения: 20.03.2017).

Об авторе

Мария Алексеевна Дмитриовская – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

About the author

Prof. Maria Dmitrovskaya, I.Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru